

Глава 7

Столкнувшись с Дань Цюшум, Баритуа невольно замер, склонившись в глубоком почтении. О, он прекрасно понимал: этот человек — не тот, кому можно перечить или наносить обиду.

Светское красноречие никогда не входило в список талантов Баритуа. Как бы он ни старался выдавить из себя любезность, лицо его оставалось сухим и безжизненным, а голос звучал на редкость безучастно:

— Господин Ланс.

Наставник готов был поклясться: в его тоне не было и тени пренебрежения. Напротив, этот загадочный юноша, носивший имя Ланс, вызывал у него искреннее восхищение — мастер Святого ранга заслуживал самого глубокого пиетета.

Баритуа не знал, откуда взялся Дань Цюшуй. В Академии Франкц лишь единицы были посвящены в тайну его происхождения. Остальные же просто следовали указанию директора Дэмписа: именовать этого человека «господином Лансом».

Титул «господин» подобает лишь тем, кто достиг Святого ранга. Но господин Ланс был до невероятного молод — на всём континенте Огу вряд ли нашёлся бы второй такой гений. Ходили слухи, что он вот-вот перешагнёт границы земного могущества и обретёт божественность. Как мог Баритуа, осознавая это, не испытывать благоговейного трепета?

— Наставник Баритуа, — отозвался Дань Цюшуй. Его безмятежный вид заставил собеседника немного расслабиться.

— Почему вы преследуете этого ребёнка? — мягко осведомился тот.

Стоило этим словам сорваться с его губ, как маленький Сириэль, прячущийся за спиной мужчины, вцепился в его одежды ещё крепче. Мальчик дрожал от страха, гадая, не выдаст ли его спаситель.

Вопрос заставил Баритуа разозлиться.

— Этот проклятый паршивец — мой раб, на котором я испытываю зелья, — раздражённо бросил он. — Я кормил его, поил, сохранил ему жизнь, а этот неблагодарный выродок отплатил мне тем, что вздумал сбежать. Вот и пришлось ловить его...

Заметив, как Дань Цюшуй нахмурился, Баритуа осёкся, соображая, в чём допустил оплошность.

Конечно, использовать живых людей для испытания ядов считалось делом сомнительным. Однако раб в этом мире не считался человеком — он был лишь вещью, собственностью хозяина, стоящей дешевле добротного стула. С точки зрения обычаев континента Огу, наставник не совершил ничего дурного.

Дань Цюшуй, будучи чужаком в этих землях, едва ли одобрял подобные методы, но и вмешиваться в уклады Академии Франкц не имел формального права.

Баритуа замолчал, ожидая, что после этих объяснений Дань Цюшуй просто вытащит мальчишку и вернёт его законному владельцу.

Однако ответ Ланса заставил наставника оторопеть:

— Наставник Баритуа, мне приглянулся этот малец. Не могли бы вы уступить его мне?

Обычно Баритуа согласился бы не раздумывая. Какой-то никчёмный раб — разве это цена за расположение такого мастера? Замену найти не составило бы труда.

Но в этот раз он замялся.

Мальчишка был редчайшим гибридом — плодом грехопадения жреца и низшего демона. Его тело обладало поразительными свойствами: врождённым иммунитетом ко многим ядам и необычной кровью. Баритуа ещё не успел до конца изучить этот феномен и не хотел расставаться с таким ценным образцом.

Дань Цюшуй, казалось, мгновенно считал его нерешительность. В руках мастера, словно из воздуха, возник изящный белоснежный флакон.

— Быть может, этот сосуд с вином послужит достойной компенсацией? — с едва уловимой улыбкой предложил он.

Баритуа шумно сглотнул.

Происхождение господина Ланса оставалось загадкой, но директор Дэмпис принимал его как самого почётного гостя. Вещи мастера казались дарами богов, а его умение с лёгкостью разрешать невыполнимые задачи поражало воображение.

Что же до этого вина... Баритуа однажды посчастливилось пригубить его из запасов директора. Тот вкус невозможно было забыть — он преследовал его в снах, оставляя горькое чувство утраты. Это дивное варево не только исцеляло застарелые раны и умиротворяло измученное тело, но и ощутимо умножало магические силы. Настоящее сокровище.

— Господин... это... — пролепетал Баритуа, не сводя глаз с флакона.

Дань Цюшуй сохранял на лице всё ту же доброжелательную улыбку. Он достал второй такой же сосуд и негромко добавил:

— Ну так что?

Лицо Баритуа, обычно бледное, пошло пунцовыми пятнами от возбуждения. Он поспешно схватил дары, пытаясь скрыть свою жадность за маской напускной вежливости:

— Раз уж он приглянулся вам, господин Ланс, то это великая удача для него. Пусть служит вам верой и правдой. Но имейте в виду, господин: ублюдок уродлив, как смертный грех, смотрите, чтобы он не напугал вас.

— Благодарю вас, — кивнул Дань Цюшуй.

Баритуа поспешил прочь, прижимая флаконы к груди. Он думал: «Да, его тело было уникальным, но это всего лишь грязное отродье! Обменять его на две бутылки эликсира — лучшая сделка в моей жизни!»

***

Сердце маленького Сириэля колотилось, точно перепуганная птица в клетке. Он ловил каждое слово их беседы, понимая: его судьба висит на волоске. Если этот человек не заступится — всё кончено.

— Твой мучитель ушёл. Не хочешь ли выйти на свет, малыш?

Голос, донёсшийся снаружи, был спокойным и певучим. Незнакомец не стал вытаскивать его силой.

Сириэль рискнул всем, поставив свою жизнь на милосердие этого человека. И, кажется, он выиграл.

Сжав зубы, мальчик выбрался из-под складок плаща Дань Цюшуя.

Мастер не видел того, что происходило у него за спиной, но воображение рисовало яркую картину: волчонок, почуяв уход охотника, осторожно выглядывает из своего логова, подрагивая чуткими ушами... Слишком много мыслей занимал этот ребёнок за последние полчаса. Сама судьба явно сводила их пути.

Когда Сириэль наконец выпрямился, Дань Цюшуй смог рассмотреть его лицо.

Теперь стало ясно, почему Баритуа звал его «отродьем». Перед ним стоял полукровка.

Мальчик застыл, не в силах отвести взгляд от Дань Цюшуя. Такого лица он не видел никогда в жизни. Неграмотный, лишённый образования Сириэль не мог найти слов, чтобы описать увиденное. Ему казалось, что перед ним сошедшее с небес божество, и нет никого, кто мог бы сравниться с этим человеком в величии и изяществе.

Почувствовав взгляд мастера, Сириэль крепко зажмурился и закрыл лицо ладонями. Он — грязный полукровка, уродливое существо... Вдруг этот господин пожалеет, что спас его?

Дань Цюшуй негромко рассмеялся — это отчаянное желание спрятаться было на редкость трогательным. Он присел на корточки, мягко взял ребёнка за костлявое запястье и отвёл его руку от лица.

— Почему ты закрыл глаза?

Сириэль лишь плотно сжал губы.

— Не нужно прятаться, — тепло проговорил мастер, и от его голоса у мальчика потеплело внутри. — Ты самый красивый ребёнок из всех, кого я встречал.

Сириэль распахнул глаза, не веря своим ушам.

Дань Цюшуй не лгал. Если смотреть обычным, мирским взором, дитя было плодом греха, союзом светлого жреца и демона. Лицо, изуродованное язвами и шрамами, должно было вызывать отвращение.

Однако истинная красота кроется не в облики, а в самой сути — в тех линиях, что прочертила природа под кожей. И по этим канонам мальчик был совершенен. Особенно его глаза: левый — кроваво-красный, правый — сияющий золотом. Это сочетание демонической тьмы и жреческого света делало его облик исключительным.

Сириэль всё ещё сомневался, но руки опустил. Слишком много злобы он видел из-за своего лица и этих странных глаз, чтобы так просто поверить в чью-то симпатию. Он думал, что само спасение — уже предел его удачи.

Мальчик стоял перед мастером — грязный, с окровавленными босыми ногами. Взгляд Дань Цюшуя скользил по нему, и Сириэль сгорал от стыда. Он чувствовал себя ничтожным рядом с такой чистотой.

Но в этот миг Дань Цюшуй спросил, и голос его был полон нежности:

— Хочешь уйти со мной?

Сириэль замер, глупо хлопая глазами.

Он жаждал силы. Но его происхождение ставило на нём клеймо — никто не захотел бы принять его или стать его учителем. Он был ребёнком из сточной канавы, отрезанным от любого пути к могуществу. Даже к Баритуа он попал лишь потому, что доверился лжи. Наставник просто обманул его.

Но этот человек был другим.

Сириэль пристально посмотрел в глаза Дань Цюшую. В жилах мальчика текла кровь авантюриста, жажда риска была его сутью. Одной неудачи было мало, чтобы сломить его — он готов был поставить жизнь на этот шанс.

Именно в этот момент он решил следовать за этим человеком. И это решение стало самым верным в его жизни.

Стоило мальчику кивнуть, как Дань Цюшуй подхватил его на руки. Сириэль почувствовал под собой ладони — тёплые и надёжные.

Это ощущение было настолько непривычным, что он едва не запаниковал. Как кто-то может обнимать его?!

Мальчик начал было неловко возиться, но Дань Цюшуй легонько шлёпнул его, словно нашалившего щенка.

— Не егози. С твоими ногами далеко не уйдёшь. И чего ты так засмутился?

Сириэль затих. Его уцелевшая правая щека вспыхнула густым румянцем, и он покорно прижался к груди мастера, позволяя себя унести.

***

— Госпожа Клоу, — продолжала представление наставников Лизи, — руководит отделением алхимии и наставниками магических искусств.

Карл не удержался от восторженного возгласа:

— Надо же, во Франкце учат всему! Я и представить не мог, что здесь есть классы даже для ведьмаков и некромантов. В других местах эти профессии за версту обходят!

Лизи, однако, заметила иное:

— Нет, здесь учат не всему. В Академии Франкц нет жрецов.

Карл задумался. И вправду, среди представленных наставников были маги, некроманты, алхимики, ведьмаки, рыцари, воины, лучники и даже ассасины, но ни единого жреца.

— Жрецы-то? — влез в разговор Джо. — Эти золотые канарейки заперты в высоких башнях соборов. Простому люду на них и смотреть не положено. Лишь знать да сильные мира сего достаиваются чести лицезреть их и получать благословение.

Карл, у которого отношения с Джо в последнее время не ладилась, только зубами скрипнул. Опять этот выскочка красуется перед Лизи, выставляя напоказ свои познания.

Отвернувшись, Карл обратился к Сириэлю:

— Слушай, друг, а ты когда-нибудь видел жреца?

Сириэль бросил на него короткий взгляд. Карла вдруг пробрал мороз, словно он совершил какую-то непоправимую глупость.

— Сириэль?..

— Не видел, — отрезал тот.

Карл остался не у дел, мысленно ворча: «И что с ним такое? То горячий, то холодный... будто рядом с неисправным кондиционером сижу».

Завершив представление наставников, директор перешёл к общим наставлениям и списку школьных запретов. Он вещал о том, что после полуночи нельзя покидать общежития, и строго-настрого запретил приближаться к Запретной зоне в лесу за академией.

Впрочем, мало кто из студентов слушал эти предупреждения всерьёз.

Когда толпа хлынула к выходу, Сириэль шёл в потоке вместе с Карлом и Лизи. Со стороны он казался совершенно спокойным — невозмутимое лицо, вежливые ответы на реплики друзей. Никто бы не догадался, какая буря бушует у него внутри.

Сириэль думал о Баритуа. Глухая ярость, рождённая годами унижений, всё ещё клочкотала в нём. Одной лишь встречи было достаточно, чтобы пробудить физическое отвращение.

«Пожалуй, стоит покончить с этим раз и навсегда», — холодная мысль оборвала его раздумья.

Лишь Лизи, чей взгляд был острее, чем у остальных, несколько раз с тревогой посмотрела на Сириэля, но так и не смогла прочесть правду в его глазах.

<http://bllate.org/book/17553/1709054>